Дата поступления рукописи в редакцию: 20.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.01.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-1-144-150

ХАДИСОВ Газиявдибир Хадисович,
начальник отдела научных исследований
Северо-Кавказского института (филиала) ФГБОУ ВПО ВГУЮ,
к.ю.н., доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ШЕЙХОВА Наида Абдурашидовна,
Помощник судьи Кировского района г. Махачкалы,
Преподаватель ЮК ДГУ,
e-mail: mail@law-books.ru

АДИЛОВ Арслан Гасанович,
Магистрант 2 года обучения
Северо-Кавказского (г. Махачкала) института ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОМАШНИЙ АРЕСТ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЕГО СУЩНОСТЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью домашнего ареста как одной из центральных мер пресечения, не связанных с изоляцией в следственном изоляторе. Его применение затрагивает баланс между интересами предварительного расследования, конституционными правами и свободами обвиняемого (подозреваемого) и принципами гуманизма. Требуется четкое теоретическое осмысление сущности и правовой природы данного института.*

Цель статьи — комплексный анализ домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе, выявление его сущностных характеристик и формулирование научно обоснованного определения.

Основные задачи, решаемые в работе:

Исследование историко-правовых предпосылок формирования института домашнего ареста в России.

Определение места домашнего ареста в системе мер пресечения, его соотношение с заключением под стражу и подпиской о невыезде.

Анализ юридической природы и сущности домашнего ареста через призму ограничений прав и свобод личности.

Изучение оснований, условий и процессуального порядка избрания, применения и отмены домашнего ареста.

Выявление проблем правоприменительной практики и формулирование предложений по совершенствованию правового регулирования.

Методология исследования включает сравнительно-правовой, формально-юридический, исторический и системный методы анализа, а также изучение материалов судебной практики.

Результаты и выводы. В статье доказывается, что домашний арест представляет собой комплексную меру пресечения уголовно-процессуального характера, сущность которой заключается в временном принудительном ограничении конституционных прав и свобод обвиняемого (подозреваемого) путем изоляции в месте его постоянного или временного проживания, под усиленным контролем со стороны правоохранительных органов с применением технических средств наблюдения. Автор обосновывает, что домашний арест носит альтернативный по отношению к заключению под стражу характер и сочетает в себе элементы карательного воздействия (ограничения) и превентивно-обеспечительной функции.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов для совершенствования уголовно-процессуального законодательства, формирования единообразной судебной практики и повышения эффективности правоприменения.

Выявлены типичные проблемы: нечеткость критериев выбора между домашним арестом и заключением под стражу, технические и кадровые сложности контроля, вопросы определения границ места изоляции.

Ключевые слова*: домашний арест, мера пресечения, уголовный процесс, ограничение свободы, права личности, судебный контроль, альтернативные меры, УПК РФ, принудительные меры.*

HADISOV Gaziyavdibir Hadisovich,
Head of the Scientific Research Department
of the North Caucasus Institute (branch) of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education,
PhD, Associate Professor

SHEIKHOVA Naida Abdurashidovna,
Assistant judge of Kirovsky district of Makhachkala,
Teacher of the Law School of the DSU

ADILOV Arslan Hasanovich,
Master's student of 2 years of study
at the North Caucasus State University (Makhachkala) Institute

HOUSE ARREST IN THE CRIMINAL PROCEDURE SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: ITS ESSENCE AND DEFINITION

Annotation*. The relevance of the study is due to the increasing role of house arrest as one of the central preventive measures not related to isolation in a pre-trial detention facility. Its application affects the balance between the interests of the preliminary investigation, the constitutional rights and freedoms of the accused (suspect) and the principles of humanism. A clear theoretical understanding of the essence and legal nature of this institution is required.*

The purpose of the article is a comprehensive analysis of house arrest as a preventive measure in the Russian criminal process, identifying its essential characteristics and formulating a scientifically sound definition.

The main tasks to be solved in the work are to study the historical and legal prerequisites for the formation of the institution of house arrest in Russia.

Determining the place of house arrest in the system of preventive measures, its relation to detention and recognizance.

Analysis of the legal nature and essence of house arrest through the prism of restrictions on individual rights and freedoms.

Study of the grounds, conditions, and procedural procedure for the election, application, and lifting of house arrest.

Identification of problems of law enforcement practice and formulation of proposals for improving legal regulation.

The research methodology includes comparative legal, formal legal, historical and systematic methods of analysis, as well as the study of judicial practice materials.

Results and conclusions. The article proves that house arrest is a complex measure of restraint of a criminal procedural nature, the essence of which is the temporary compulsory restriction of the constitutional rights and freedoms of the accused (suspect) by isolating him in his place of permanent or temporary residence, under increased control by law enforcement agencies using technical means of surveillance. The author argues that house arrest has an alternative character to detention and combines elements of punitive effects (restrictions) and preventive and protective functions.

The practical significance of the study lies in the possibility of using its findings to improve criminal procedure legislation, form a uniform judicial practice and increase the effectiveness of law enforcement. Typical problems have been identified: the vagueness of the criteria for choosing between house arrest and detention, the technical and personnel difficulties of control, and the issues of defining the boundaries of the place of isolation.

Key words*: house arrest, preventive measure, criminal procedure, restriction of freedom, individual rights, judicial control, alternative measures, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, coercive measures.*

Статья 107 УПК РФ регламентирует специфику и процедуру использования такой меры пресечения как домашний арест, который представляет собой значимый элемент среди всех ограничительных мер, перечисленных в статье 98 УПК РФ.

Историческая эволюция данного института носила противоречивый и многоступенчатый характер: от редких прецедентов, демонстрирующих лишь отдельные его элементы в период зарождения российской системы уголовного правосудия[1]., через трансформацию в полноценный самостоятельный правовой механизм, и снова к упразднению данной нормы в рамках уголовно-процессуального законодательства[2, с. 93].

Фундаментальный вклад в формирование домашнего ареста как меры пресечения внес Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (далее по тексту – УУС), который впервые законодательно установил процессуальный порядок его избрания [10].

В таком виде домашний арест просуществовал до 1917 г., когда революционные изменения и военная обстановка обусловили внесение корректив в уголовное судопроизводство. Вместе с тем, необходимость в домашнем аресте не отпала, и он повторно был включен в систему мер пресечения, установленную УПК РСФСР 1922 г. [11] и УПК РСФСР 1923 г [12], но применялся редко и вновь был исключен из уголовно-процессуального законодательства.

На протяжении четырех десятилетий – с шестидесятых годов прошлого столетия вплоть до начала двадцать первого века – возможность применения домашнего ареста как меры пресечения являлась предметом теоретических споров. Эти научные дебаты получили практическое разрешение лишь с введением в действие УПК РФ, который вернул данный институт в действующее процессуальное законодательство.

В настоящее время нормативная база России, определяющая порядок назначения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве, находится в состоянии непрерывного развития и усовершенствования. Так, Федеральный закон от 07.12.2011 № 420- ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13], изложив положения о домашнем аресте в новой редакции, определил процессуальный порядок избрания, а также его основные признаки.

До 2012 года домашний арест как мера пресечения использовался крайне ограниченно в ходе досудебного производства — судебная практика фиксировала менее одного процента таких решений относительно общего количества назначенных ограничительных мер. Заключение под стражу оставалось преобладающим выбором в судебных решениях и применялось с высокой интенсивностью, несмотря на проведённое реформирование уголовно-процессуального законодательства, которое носило актуальный и обоснованный характер [14].

С 2017 года количество лиц, находящихся под домашним арестом на стадии досудебного расследования, выросло более чем в пятьдесят раз в сравнении с периодом до 2012 года. Такая впечатляющая тенденция свидетельствует о существенном росте популярности этой меры пресечения в российской правоприменительной практике [15].

За последние полтора десятилетия произошла кардинальная трансформация судебной системы относительно выбора ограничительных мер. Статистика демонстрирует впечатляющую динамику: домашний арест стал применяться в восемь раз чаще - показатели выросли с 181 эпизода до 1503. Противоположная тенденция наблюдается в отношении изоляции в следственных изоляторах - здесь фиксируется двукратное падение: с 31577 постановлений в 2007-м до 19211 в 2023 году [3, с. 178].

Статья 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в первой части устанавливает, что решение о применении домашнего ареста принимается судом. Данная мера пресечения используется в ситуациях, когда невозможно назначить менее строгие ограничения свободы лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления. Суть домашнего ареста состоит в том, что лицо находится под контролем в условиях полной или частичной изоляции от окружающих. При этом местом изоляции служит та жилая площадь, где подозреваемый или обвиняемый законно проживает - будь то собственное жилье, арендованное или занимаемое по другим правомерным основаниям. Находясь под домашним арестом, лицо обязано соблюдать установленные запреты и ограничения. В исключительных случаях, когда здоровье подозреваемого или обвиняемого требует медицинского наблюдения, суд может определить в качестве места отбывания домашнего ареста медицинское учреждение.

Применение домашнего ареста как меры пресечения в ходе досудебного производства порождает многочисленные сложности законодательного, теоретического и практического плана, что отрицательно сказывается на защите прав лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Главной причиной размытости термина «домашний арест» в рамках уголовно-процессуальной деятельности, на наш взгляд, выступает присутствие в законодательных положениях

характеристик, нуждающихся в дополнительной интерпретации и конкретизации их содержания.

Несмотря на продолжительную практику использования на территории нашей страны, домашний арест в качестве меры пресечения до сих пор не получил официального законодательного толкования. Специалисты в области уголовного процесса также не пришли к общему знаменателю относительно природы данного института и его ключевых характеристик.

Исследователи права многократно акцентировали внимание на том, что корректная терминологическая база в нормативных актах выполняет двойную функцию: способствует стабилизации правового порядка и упорядочению социальных взаимодействий, одновременно повышая доступность и результативность самого законодательства [4, с. 106]. Выработка определения домашнего ареста и изучение его отличительных характеристик становятся обязательными в силу следующих факторов. Каждая научная категория выполняет двойную функцию: с одной стороны, она отражает общие черты изучаемого феномена, с другой — раскрывает его природу и внутреннее наполнение через уникальные особенности.

В русском языке термин «домашний арест» трактуется, как приказание не выходить из дома, то есть жилого строения [5, с. 56], а также как форма пресечения деятельности [6, с. 46]. Анализ ключевых слов термина «домашний арест» показывает, что в конституционно-правовом смысле под ним понимается содержание в изоляции от общества по месту проживания, применяемое уполномоченными органами в порядке, установленном законом [7, с. 44]. Изучение данных определений дает возможность трактовать домашний арест лишь в общих чертах – как постановление уполномоченной инстанции о запрете определенному субъекту покидать жилое помещение (место его нахождения) с целью предотвращения незаконных действий с его стороны.

По нашему мнению, подобная характеристика домашнего ареста в рамках уголовно-процессуальной деятельности обозначает лишь общие контуры понимания его природы и наполнения, поскольку создает сложности в выявлении следующих аспектов: первое – какие структуры и должностные лица обладают полномочиями по назначению данной превентивной меры и каков механизм её применения; второе – какова её позиция в классификации принудительных мер воздействия; третье – круг субъектов, подпадающих под действие домашнего ареста; четвертое – специфические черты реализации указанной меры пресечения.

В научных работах по праву можно обнаружить стремление авторов сформулировать определение данной меры пресечения, опираясь на установленные ими характерные особенности домашнего ареста, что заслуживает дальнейшего рассмотрения [8, с. 90]. Заслуживает внимания позиция Ю.Г. Овчинникова, трактующего данную меру пресечения следующим образом: это процессуальное средство принуждения, применяемое судебным органом на заседании при расследовании уголовных дел, где санкция статьи превышает два года изоляции от общества. Данная мера назначается обвиняемым лицам, а при особых обстоятельствах – подозреваемым, и функционирует через серьёзное урезание свободы передвижения при сохранении возможности нахождения в собственном месте жительства. Одновременно на лицо накладываются ограничения: запрещение контактов с определённым кругом граждан, невозможность осуществлять почтовую переписку и коммуникацию посредством технических средств связи любого типа.

Исследователь выделяет специфические характеристики данной меры пресечения, структурируя их следующим образом: во-первых, позиционирование в иерархии процессуальных принудительных средств; во-вторых, правовое положение лица, подвергаемого такому ограничению; в-третьих, механизмы воздействия на подозреваемых и обвиняемых, включающие значительное ограничение свободы передвижения при сохранении возможности нахождения в собственном месте жительства, а также установление запретительных мер на контакты с определёнными гражданами и использование коммуникационных каналов для переписки и переговоров; в-четвёртых, специализированная процедура назначения этой ограничительной меры [9, с. 10].

Хотя перечисленные характеристики домашнего ареста как процессуальной меры представляются в основном обоснованными, необходимо обратить внимание на ряд моментов, существенных с точки зрения науки и правоприменения.

Прежде всего, представляется спорным решение рассматривать позицию домашнего ареста в иерархии принудительных процессуальных средств как его ключевую особенность. По нашему мнению, такая характеристика, невзирая на то, что она действительно описывает данную меру, скорее касается всей совокупности пресекательных процессуальных инструментов, поскольку её суть заключается в определении соподчинённости между различными способами пресечения.

Кроме того, детальное перечисление запретительных мер и ограничений для лиц, находящихся под следствием, представляется нецелесообразным. Включение подробного описания запретов излишне усложняет само понятие

домашнего ареста, перегружая его содержание. Более правильным видится подход, при котором перечень запретительных мер и их характеристики рассматриваются не как определяющие признаки меры пресечения, а как практические аспекты её реализации, что позволит яснее понять природу данного института. Анализ процессуального законодательства России в сопоставлении с правовыми системами других стран демонстрирует неэффективность детализации ограничений прав лиц, в отношении которых ведётся расследование, поскольку эти ограничения подвержены постоянным модификациям и эволюции.

Третий недостаток заключается в том, что законодатель обошёл стороной вопросы осуществления надзора за выполнением установленных ограничительных требований при назначении содержания под стражей в жилище. По нашему мнению, недостаточная организация надзорных мероприятий препятствует полноценной реализации задач этого процессуального принуждения.

Чтобы выявить ключевые характеристики и раскрыть их сущность, считаем разумным проанализировать данное ограничение свободы, исходя из составляющих его понятий «жилище» и «изоляция», что позволит понять фундаментальную идею, которую вкладывают в эту меру правоприменители, исследователи и нормотворческие органы.

Прежде всего необходимо детально рассмотреть понятие «домашний», поскольку именно оно указывает на локацию, где должен находиться подозреваемый или обвиняемый в случае применения к нему данной меры пресечения. Существует распространённая точка зрения, согласно которой применение домашнего ареста лишено практического смысла, если у лица отсутствует собственное жильё, что свидетельствует о значимости этого фактора.

Однако практический анализ демонстрирует сложности в установлении конкретного места содержания лица под домашним арестом. Проблема заключается в том, что судебные постановления и нормативно-правовые документы используют различные формулировки и неодинаково интерпретируют данное понятие.

Так, в ч. 1 ст. 107 УПК РФ отмечается, что местом нахождения обвиняемого (подозреваемого) при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста является жилое помещение, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. Следовательно, буквальным смыслом данного выражения является то, что лицо, в отношение которого избран домашний арест, содержится по месту, где он довольно часто проживает (постоянно или временно) совместно с другими лицами и в привычной для него обстановке. В случае необходимости допускается нахождение подозреваемого или обвиняемого в лечебном учреждении.

В тоже время в п. 10 ст. 5 УПК РФ дается понятие не жилого помещения, а жилища, под которым понимается индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания.

Анализ данных понятий показывает, что в содержание жилого помещения не входят такие виды жилища как индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями и иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания.

Не решен вопрос с единым подходом к понятийному аппарату и в разъяснении, данном Верховным Судом Российской Федерации. Так, в п. 37 и 38 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» говорится и разъясняется вопрос о жилом помещении. Под ним понимается любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям [16].

Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях упоминает два варианта жилого помещения, при этом индивидуальный жилой дом прямо не называется, хотя, вероятно, подразумевается через использование определения «любое» перед словосочетанием «жилое помещение». В свою очередь, УПК РФ при определении «жилища» выделяет три категории: непосредственно жилое помещение, индивидуальный жилой дом (включая жилые и нежилые части), а также помещения или строения, находящиеся вне жилищного фонда, но применяемые для временного размещения людей. Таким образом, использование термина «жилое помещение» не позволяет окончательно установить, насколько совпадают или различаются трактовки в уголовно-процессуальном законодательстве и судебных разъяснениях высшей инстанции.

По нашему мнению, данная позиция открывает возможности для широкой интерпретации территории содержания лица под домашним арестом. При соблюдении установленных условий местом отбывания может считаться различное пространство. Кроме того, допустима гибкая трактовка данного понятия, выходящая за рамки определения «жилище» и включающая альтернативную терминологию из законодательных документов[3, с. 180].

Практика показывает, что в России распространены случаи, когда жилые помещения предоставляются сторонними лицами, поэтому согласованность в трактовке понятия «жилище» между правоприменительными органами приобретает особую актуальность.

Унификация терминологического аппарата в уголовно-процессуальном законодательстве представляется необходимой мерой - требуется согласование не только между положениями УПК РФ, Гражданского кодекса и профильного федерального закона, но и внутри самого процессуального кодекса.

Расширенное толкование понятия жилого помещения открывает дополнительные перспективы для оптимизации применения домашнего ареста как меры пресечения. Это создает альтернативные варианты изоляции подозреваемых и обвиняемых лиц, минимизируя необходимость использования содержания под стражей.

Практика ряда европейских государств демонстрирует альтернативные подходы к организации данной меры пресечения. В австрийской правовой системе допускается размещение подозреваемого в квартире, которую предоставляют посторонние лица, включая муниципальные органы власти. Германское и австрийское уголовно-процессуальное право разрешает отбывание домашнего ареста не только по месту постоянной регистрации, но и в гостиничных номерах либо арендованных специально для этих целей помещениях. Подобные механизмы представляются перспективными для внедрения в российскую судебную практику, однако их реализация требует установления чётких ограничений и создания эффективной системы надзора, гарантирующей исполнение судебного постановления [3, с. 180].

Вопросы, касающиеся точного обозначения адреса в судебном постановлении, заслуживают отдельного рассмотрения, особенно когда речь идет о соблюдении прав проживающих совместно членов семьи, а также о допустимости временного оставления места содержания для визитов на работу, в образовательные организации, медицинские учреждения, торговые объекты, детские сады и школы, а также другие необходимые локации.

Законодательство допускает размещение лица, в отношении которого избрана данная мера пресечения, не только по адресу его постоянной регистрации или фактического проживания, но и там, где он временно находится, включая больницы и другие медицинские организации. Кроме того, правовым нормам не противоречит ситуация, при которой жилая площадь для нахождения подозреваемого или обвиняемого предоставляется его родными либо посторонними гражданами.

Исходя из приведённых аргументов, видится обоснованным внести в первую часть статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дополнительное положение такого характера: «В ситуациях, когда существуют необходимые предпосылки и созданы надлежащие условия для изоляции лица, подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления, путём применения домашнего ареста, допустимо по инициативе дознавателя или следователя использовать в качестве места исполнения данной меры пресечения жилую площадь или постройку, арендованную специально для этих целей либо предоставленную заинтересованными лицами для временного либо постоянного размещения».

Список литературы:

[1] Судебник 1497 года: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya- browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruJtFF87J9XS34qoLaF50 (дата обращения: 27.09.2025); Судебники 1497 и 1550 гг. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.

[2] Горбатых И.М. О сущности и правовой природе домашнего ареста: исторический и современные аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 90-97.

[3] Горбатых И.М. Домашний арест - альтернатива заключению под стражу: перспективы совершенствования // Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2 (95). С. 178-185.

[4] Фадеев П.В. Правовая помощь участникам уголовного процесса в досудебном производстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 6–21.

[5] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. С-Пб.: изд-во М.О. Вольф, 1998. Т. I. С 56.

[6] Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. С-Пб.: изд-во Норинт. 2000. С. 46.

[7] Конституционное право. Энциклопедический словарь. Отв. редактор и руководитель авторского коллектива – д.ю.н., профессор С.А. Авакьян. М.: Издательство НОРМА, 2000. С. 44.

[8] Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): дис…канд. юрид. наук. М., 2020. С. 90.

[9] Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 10.

[10] Устав уголовного судопроизводства: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (Дата обращения: 27.09.2025).

[11] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета от 25 мая 1922 г. // СПС «КонсультантПлюс»: http://www.consultant.ru (Дата обращения: 27.09.2025).

[12] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета от 15 февраля 1923 г. // СПС «КонсультантПлюс»: http://www.consultant.ru (Дата обращения: 27.09.2025).

[13] Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

[14] Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Данные судебной статистики судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: http://www.cdep.ru (Дата обращения 01.10. 2025).

[15] Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Данные судебной статистики судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: http: // www.cdep.ru (Дата обращения 01.10. 2025).

[16] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу,домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»: СПС «КонсультантПлюс» : http:// www.consultant.ru (Дата обращения: 05.10.2025).

References:

[1] Forensic 1497: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya- browser% 3A% 2F% 2F4DT1uX-EPRrJRXlUFoewruJtFF87J9XS34qoLaF50 (accessed on: 27.09.2025); Judicial books of 1497 and 1550//Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 volumes and 4 add.). St. Petersburg, 1890-1907.

[2] Gorbatykh I.M. On the essence and legal nature of house arrest: historical and modern aspects//Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3. S. 90-97.

[3] Gorbatykh I.M. House arrest is an alternative to detention: prospects for improvement//Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2023. № 2 (95). S. 178-185.

[4] P.V. Fadeev. Legal assistance to participants in criminal proceedings in pre-trial proceedings: monograph. M.: Yurlitinform, 2020. S. 6-21.

[5] Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. S. Pb.: Publishing House M.O. Wolf, 1998. T. I. C 56.

[6] Kuznetsov S.A. Large explanatory dictionary of the Russian language. S-Pb.: Norint Publishing House. 2000. S. 46.

[7] Constitutional law. Encyclopedic Dictionary. Resp. editor and head of the team of authors - Doctor of Law, Professor S.A. Avakyan. M.: Publishing house NORMA, 2000. S. 44.

[8] Simagina N.A. Preventive measures and circumstances taken into account in their election (theory and modern practice): dis... candia. jurid. sciences. M., 2020. S. 90.

[9] Ovchinnikov Yu.G. House arrest as a preventive measure in criminal proceedings: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. Omsk, 2006. S. 10.

[10] Statute of criminal proceedings: https://constitution.garant.ru/history/act1600- 1918/3137/(Date of appeal: 27.09.2025).

[11] Code of Criminal Procedure of the RSFSR. Approved by the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of May 25, 1922//SPS “ConsultantPlus”: http://www.consultant.ru (Date of appeal: 27.09.2025).

[12] Code of Criminal Procedure of the RSFSR. Approved by the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of February 15, 1923//SPS “ConsultantPlus”: http://www.consultant.ru (Date of appeal: 27.09.2025).

[13] Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 50. Art. 7362.

[14] Reports on the work of courts of general jurisdiction for the consideration of criminal cases at first instance. Data of judicial statistics of the judicial department under the Supreme Court of the Russian Federation: http://www.cdep.ru (Date of appeal 01.10. 2025).

[15] Reports on the work of courts of general jurisdiction for the consideration of criminal cases at first instance. Data of judicial statistics of the judicial department under the Supreme Court of the Russian Federation: http: // www.cdep.ru (Date of appeal 01.10. 2025).

[16] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2013 No. 41 (ed. 11.06.2020) “ On the practice of the courts of applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions”: SPS “ConsultantPlus”: http://www.consultant.ru (Date of appeal: 05.10.2025).